

ПАРАДОКСАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК В ПАРАДОКСАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

МНАЦАКАНЯН Мкртич Оганесович - доктор философских наук, профессор МГИ- МО(У) МИД РФ.

В современном российском обществе на видное место перемещается кентавр-проблема: проблема глубокой парадоксальности сознания и поведения человека. Сложность ее в том, что, проявляя себя на личностном уровне и на уровне общественного сознания, проблема кентавризма выражает также глубокую парадоксальность современной общественной жизни. Монографическая работа Ж.Т. Тощенко "Парадоксальный человек" [1] является первой серьезной попыткой теоретико-методологического исследования данного феномена, специального и целостного рассмотрения его природы и свойств. Не вызывает сомнения необходимость дальнейшего исследования актуальных вопросов и граней проблемы парадоксальности, оставшихся пока в тени и содержащие в себе много "тайн" и "загадок" развития нашего общества.

Личностно-психологические, культурные и общественно-исторические, онтологические основания. Общественное сознание, в том числе и его парадоксальные феномены, способны оказать серьезное влияние на все процессы общества - политические, социальные, духовные и т.д., ибо они определяют и активность людей, их поведение. Но как и откуда рождаются подобные парадоксы сознания, как, из каких источников формируются у отдельного человека и как превращаются в коллективные явления? Может быть, перед нами глубокое воздействие парадоксов экономической, политической, социальной и духовной жизни на сознание и поведение человека? Наконец, может быть, кентавризм изначально свойство человеческого сознания и многих явлений в природе?

В самом деле, проблема парадоксальности (кентавр-проблема) проявляет себя с особой силой в социальной сфере, хотя является свойством феномена более общего характера, обнаружившим себя в физическом, биологическом мире, в психологии и т.д. Но и в социальной жизни она выходит на поверхность не сама по себе, самостоятельно, а тесно и органично связана, переплетена с особенностями развития общества, с его коренными проблемами, процессами, феноменами. Парадоксальность сознания и поведения людей резко усиливается в периоды кризисов и деформаций общественных отношений и нарушений социальных связей, т.е. формирования и углубления атомического состояния общества. *Есть, безусловно, внутренняя связь между парадоксальностью сознания и поведения людей с различными формами девиаций.* Но лишь связь, ибо в действительности мы встречаемся с особым классом феноменов общественной жизни, которые в самом общем виде, по мнению Ж.Т. Тощенко, можно охарактеризовать как "сочетание несочетаемого" [2, с. 6]. Подобный парадоксальный феномен можно встретить в любом обществе, в любом его состоянии. Но в России сегодня, по вышеуказанным причинам, парадоксальность становится в какой-то степени и форме нормой.

Уже этот факт говорит о том, что парадоксы сознания предстают перед нами как формы и выражения парадоксов общественной жизни. *Парадоксальный человек, вполне нормальный в умственном, психическом и физическом смысле, будет носителем основных свойств парадоксальности данного общества.* Поясню, о чем идет речь. Иногда не стоит труда разгадать противоречия, кажущиеся парадоксы между словами, декларациями и поведением иного деятеля, если учесть его интересы и свой

ства характера; конформизм, склонность к демагогии. Речь здесь идет об особой форме парадоксальности, когда обнаруживается несовместимость между искренними высказываниями, даже убеждениями, с одной стороны, и реальными поступками, действиями, - с другой. И это не выражение философского (материалистического) постулата - "бытие определяет сознание", а особый характер воздействия парадоксов данного общества на внутреннюю парадоксальность человеческого сознания и психологии, продукт их взаимодействия.

Горизонтальный социальный срез общества, сетевое взаимодействие людей перед лицом сложнейших общественных перемен, как и личный опыт, только тогда способны пролить свет на проблему парадоксальности, если одновременно анализируются проблемы в их вертикальной социальной динамике, в онтологически-общественном смысле. Речь идет не только и даже не столько об исторической памяти, крайне важной сама по себе. Основные феномены, процессы, факты, например, общественного сознания, имеют глубокие культурно-психологические основания, идут к нам от предыдущих поколений, составляя парадигму ментальности и национального характера, этос - основную психологическую тему культуры. И Россию, по выражению В.А. Ядова, умом можно понять, если серьезно рассмотреть вертикальные социальные связи между поколениями. "Институциональные матрицы России формируют по преимуществу вертикальные, а не горизонтальные социальные взаимодействия" [4, с. 352].

Природа основных проблем современной России, парадоксов собственности, власти, демократии, авторитаризма, анархизма, национал-экстремизма и т.д., неотделима от своеобразия исторического пути и опыта становления и развития русского народа в условиях колонизации и создания империи, многовекового крепостничества и самодержавия, всепача государства и беспача простых людей. Сложная природа познания, неспособность человеческого ума проникнуть в сущность явлений, несовершенство способов и средств гносеологии и т.д., особенно когда речь идет о познавательных возможностях среднего, рядового человека, придают проблеме парадоксальности драматический характер. Человек вроде бы становится объектом и исторических сил, и окружающей сложной реальности, ее парадоксов и противоречий, и, одновременно, творцом их воспроизводства. Может быть, парадоксы сознания имеют также индивидуальный, личностный характер, заложены в самом человеке, независимо от его познавательных способностей и возможностей?

И действительно, человек не простой и не пассивный носитель парадоксов общества и общественного, даже группового, сознания. Он как "строитель" общества воспроизводит "своими руками" (голосованием, участием в политических, идейно-духовных и иных процессах), создает, к примеру, институты власти, формы правления и управления, в которых чувствует себя не гражданином, а подданным. Фантомы демократии (политические партии, профсоюзы, свободы слова и т.д.) разве возможны без молчаливого согласия массы конкретных людей? Откуда и как в ходе строительства гражданского общества вновь и вновь возрождаются всепача государства, идеология державности и тенденции авторитаризма? *Творя парадоксы социальной жизни в виде кентаврических феноменов и процессов, человек теперь живет в этом мире, неся в себе смутные ощущения фатальности подобного общественного устройства.* Власть и правящая элита эксплуатируют традиции и парадигмы русского национального сознания.

Человек, приписывая то обществу в целом, то элите и олигархам, то правительству собственное бедственное положение, упадок нравственности, культурные деформации и т.д., ругая телевидение и прессу ("желтую", "продажную"), не склонен искать причину в себе, в собственном бездействии, попустительстве, даже в участии. Это отчасти происходит потому, что помимо сознания в человеческом поведении мощно участвуют бессознательные инстинкты и чувства, влечения и эмоции, которые и отражают связь данного поколения людей с предками, историческое социальное взаимодействие в рамках и под воздействием парадигм национального характера и ментальности народа. Последние несут с собой сильные парадоксальные явления и установки, пред-

ставления о ценностях, смыслах и т.д., которые проникают в сознание человека через психологическую структуру его внутреннего мира, синтезируясь с личным опытом, представлениями, установками.

Эта структура состоит из трех уровней. Первый - эгоцентрический, т.е. стремление к собственному удобству, выгоде, престижу, благополучию. Отношение к себе - как к самоценности, к другим - сугубо потребительское. Эгоцентризм становится ступенью к группо-центрическому уровню, когда человек, идентифицируя себя с какой-либо группой, переносит на группу свои эгоцентрические устремления. Его отношения к другим людям теперь зависят от того, входят ли они в его группу, общность. Теперь самоценность человека превращается в "группоценность". Если он входит в эту группу, то достоин уважения, сострадания, прощения, любви. Отношения к "другому" определяется общим отношением к другой группе - классу, страте, национальной, расовой, религиозной группе, которая в зависимости от обстоятельств может выступать и в образе "друга", и в образе "врага".

Третий уровень психологической структуры человека - универсально-гуманистический, духовный, когда каждый человек, независимо в какую группу он входит, самоценен, достоин уважения, обладает равенством в отношении прав, обязанностей, свобод. Личностная смысловая устремленность характеризуется общим отношением и к "своим", и к "чужим", стремлением подняться выше от корпоративной, групповой морали к гуманистической нравственности [5, с. 168]. И человек, как представитель национальной общности, может в зависимости от конкретной ситуации проявлять группо-центрические наклонности, или подняться до универсально-духовных высот. Потому что в структуре его психологии могут ужиться характерные черты всех трех ступеней. Одни могут уйти временно в тень, другие выйти на передние позиции. Вместе с тем, в каждом человеке господствует типичное для него устремление, которое формируется как статус личностных ценностей, т.е. как наиболее общие и важные смыслы жизни, осознанные и принятые им.

Кентавризм как психологическое явление проявляется в том, что ярко выраженный националист, пальцем указывающий на "инородцев"-врагов, недостойных прав и уважения, может не только абстрактно рассуждать о правах народов, уважении иных культур, языков. Его вполне могут посещать интернационалистские, универсальные - искренние духовные порывы. Парадокс заключается в том, что в личностном сознании (Жириновского, Рогозина, их соратников) могут вполне ужиться эти смысловые побуждения и установки. Для стороннего наблюдателя порой кажется необъяснимым националистический порыв, которым бывает охвачена масса людей, действующая под лозунгами национальной вражды и ненависти. Но участвуют в такой демонстрации не столько выраженные национал-экстремисты. В основном это люди с иными духовно-нравственными убеждениями, ценностями: быстро наступает отрезвление, и они отходят от носителей национал-шовинистических устремлений. Социальные кентаврические стремления с глубокими историческими основаниями определяющим образом влияют на парадоксальные личностные установки, неустойчивые и ситуативные смысловые побуждения.

Парадоксы менталитета и национального характера россиян, Парадоксы сознания и личности, и общности, и общества имеют глубокие культурно-психологические основания, особый контекст, формируются исторически как опыт и результат вертикального социального взаимодействия поколений. Процессы общения и взаимодействия "здесь и сейчас", "лицом к лицу" в интересующем мире повседневности, как и личный опыт, могут лишь продемонстрировать некоторые свойства парадоксальности, некоторые странности в мышлении и поведении людей. *Ибо главные, коренные парадоксы кентавринекого характера есть свойства ментальности и национального характера. У каждого народа и общества свои, особые и характерные для них парадоксальные явления, процессы, ситуации. Анализ вертикальных социальных взаимодействий поколений раскрывает и другую особенность проблемы: основные, особо значимые для общества парадоксы, выступающие как пара противоположностей, вроде бы не-*

совместимых, отрицающих друг друга, имеют и общие основания, и общие причины, и единую природу как две стороны одного явления. Насколько правомерны подобные утверждения?

Сначала рассмотрим кратко некоторые классические постулаты. Н. Бердяев считал парадоксальность главной, основной характеристикой русского национального характера и сознания. Именно парадоксальностью он объясняет то, что сама история России подчас приобретала фантастический оттенок, причудливое сочетание двух противоположных, взаимоисключающих начал: "Русский народ - самый аполитичный народ, никогда не умевший устраивать свою землю". Вместе с тем, "Россия - самая государственная и самая бюрократическая страна в мире, все в России превращается в оружие политики". "Россия - самая не шовинистическая страна в мире.., в русской стихии поистине есть какое-то национальное бескорыстие, жертвенность,..". И одновременно; "Россия - страна национальных эксцессов, национализма", "обратной стороной русского смирения является небывалое русское самомнение". С одной стороны, "русская душа сторает в пламени искании правды, абсолютной, божественной правды... она вечно печалится о горе и страдании народов всего мира..", с другой же, "Россию почти невозможно сдвинуть с места, так она отяжелела, так инертна, так ленива" и т.д. Подобный парадокс ведет к тому, что Россия живет "неорганической жизнью", "в ней отсутствует целостность и единство" [6, с. 5, 8-10, 12, 13-14].

Парадоксальность, крайности и сегодня являются важной, если не главной, характеристикой и особенностью общественной жизни России. С одной стороны, она своими природными ресурсами, богатствами и доходами является ведущей страной мира. С другой - в ней проживает народ бедный, уступающий по уровню жизни даже многим странам бывшего колониального и полуколониального мира. С одной стороны, земля в России окружена ореолом святости, ассоциируется с матерью-Родиной, с другой - земля дичает, огромные просторы зарастают, никому она не нужна. Провинция, города и поселки, а не только деревни, умирают. С одной стороны, нефтедоллары и денежные поступления от экспорта сырьевых товаров не находят применения (их теперь за проценты вкладывают в ценные бумаги США), с другой - как и 100, 200 лет назад - Россия страна плохих дорог, неустроенности быта ее населения; плохое жилье, проблемы водо-, газо-, электроснабжения, канализации и т.д. Проблемы бюрократизма, коррупции, ничтожности простого человека перед лицом бюрократической машины и т.д., те же, что и 100 лет назад. Необъятные просторы страны все еще стимулируют экстенсивное развитие, а природные богатства - развращающе влияют на экономическую политику.

Заслуга Н. Бердяева, И. Ильина, Н. Лосского заключается прежде всего в том, что они глубоко проникли в истоки этих парадоксов. По Н. Лосскому "Основные свойства русского народа... связаны с мессианством, державностью, всеильным государством". "Искание абсолютного добра и связанное с ним служение высшему началу побуждает целые слои русского народа подчинить свою свободу государству, как необходимому условию обуздания зла" [7, с. 48,49-50]. Гипертрофированная роль государства связана с непрерывной колонизацией и обширностью территории, экстенсивным развитием при отсутствии частной собственности, когда поддержание империи и территориальная экспансия требовали самодержавной государственности и постоянной милитаризации страны в условиях напряжения всех сил страны и народа. В России за пределами государственности никогда не было общества, а была бесправная общность подданных, именуемых народом. Именно на этой основе формируется множество парадоксов в различной форме и сферах жизни общества, в которых можно обнаружить определенное соответствие со всем исторически складывавшимся строем жизни россиян.

Специфика исторического развития народа может *пролить свет на многие парадоксы, иногда именуемые "загадками", "тайной русской души"*. Взять приведенный Ж.Т. Тощенко парадокс — *современные российские профсоюзы, как образец кентавр-явления*. Они действительно в связке работодатели-работники, проявляя проти

воположные ориентации как выражение противоположных интересов, ничего собой не представляют и не способны защитить интересы своих членов. Они в принципе и не могут, ибо им пришлось бы инициировать и возглавить движение, нарушить социальный мир, порядок, т.е. установки и требования власти. То же самое парадоксы свободы слова. Практически она действительно доступна тем, кто имеет деньги и власть. Такое мощное средство массовой коммуникации как телевидение, вместе с тем, демонстрирует, причем открыто, то, что является политико-идеологическим оружием государственной власти, выполняет функции, традиционно присущие подобным средствам и в XIX, и в XX веках - эпохам самодержавия, советской системе, в новых демократических формах, приемах и атрибутах, вроде независимых и самостоятельных ("четвертая власть").

То, что советская власть - "русский коммунизм" и большевизм не случайность игры исторических сил, а яркое проявление характера народа, мы видели у Н. Бердяева, Н. Лосского. Это подтверждено многими современными исследователями. О. Шкартан, например, исследуя советское общество как особый тип цивилизации, именуется его *этакратическим*. Первооснову составляет государство, подчинившее себе все сферы, все формы жизнедеятельности людей, создавшее новую "систему подданства" [8, с. 50-51]. Анализируя процессы становления рыночных отношений в новой России, автор делает вывод; *"Сложившиеся отношения власти и бизнеса, когда бизнес выступает как зависимый и манипулируемый властью социальный субъект, есть органическая характеристика современной социетальной системы России как системы позднеэтакратической"* [8, с. 61]. Политические партии, профсоюзы, создаваемые властью "гражданские организации", "институты" и т.д., как и свобода слова, в этих условиях не могли не стать носителями глубоких парадоксов общества.

Н.Е. Тихонова, анализируя социальную природу современной России с ее технологическими достижениями и сравнительно высоким образовательным уровнем населения, отмечает, что лишь на первый взгляд кажется абсурдным характеризовать ее как разновидность традиционного общества. Гипотезы подобного рода, которые сложились за 10 лет огромной эмпирической работы, были подвергнуты проверке в процессе исследования "Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить?", проведенного ИКСИ РАН совместно с Московским представительством Фонда им. Ф. Эберта (Германия) в 2004 г. Гипотеза о традиционалистском характере по сути своей нормативной модели взаимоотношений общества, личности и государства полностью подтвердилась. Около половины населения страны в возрасте от 16 до 65 лет безоговорочно уверены, что государство всегда должно отдавать приоритет интересам всего народа перед интересами отдельной личности. Лишь около 10% россиян так же безоговорочно убеждены в обратном. 46% опрошенных полагают, что индивидуализм, либерализм и западная демократия представляют собой ценности, которые россиянам не подходят, и для России важнее чувство общности, коллективизм и жестко управляемое государство. На вопрос "Если пресса нарушает интересы государства, ее свободу следует ограничить?", положительно ответили 58% опрошенных. Такое же отношение к оппозиции, которая не должна критиковать власть, а оказать помощь правительству и т.д. [9, с. 38, 39].

Эти данные косвенно говорят о том, что этатизм и державность не чужды и тем, кто сомневается, и кто пока воздерживается. К этим 50-58% могут присоединиться новые группы людей под воздействием событий, переломных для всей страны (выборы президента, Государственной Думы), или внешних серьезных "угроз" государству, целостности страны и т.д. Сознанию человека в обычной, "размеренной" жизни свойственны ясные, осознанные устремления, установки, ценности и смыслы, к которым мощным потоком устремляются бессознательные и инстинктивные позывы, устремления в условиях крайнего психологического напряжения, несущие с собой представления державности, всеохватности государства и ничтожности личности. Большинство населения, поддерживающее на выборах президента страны и политическую пар

тию, символизирующую президентскую власть, демонстрирует и преемственность и живучесть этатизма в народе.

Парадоксальность "сочетания несочетаемого" в характере россиян заключается здесь в том, что обратной стороной державности и этатизма выступает анархизм. Российская действительность показывает, что сила и своеобразие анархических тенденций связаны с государством, с его состоянием и отношением к населению. Анархизм в России, как и анархизм вообще, это стремление не к свободе, тем более к демократии, а к воле, не считающейся с правилами и ограничениями. Население поддерживает и будет поддерживать государственную власть, способную дать такую волю. Речь идет не столько о ситуативных действиях миллионов людей в условиях современного рынка, стихийных всплесков анархической вольности, что вообще свойственно человеческой природе, а о конкретных выражениях архетипических структур сознания русского человека, которые способствуют его переходу при столкновении с государством к анархической самопомощи за пределами социальных структур, Воля вместо свободы - противоположный полюс долготерпения. И только там, где государство не является самодовлеющим, институционализация и демократизация создают твердые правила и нормы социального взаимодействия при сохранении твердых нравственных устоев и структур идентичности - анархизм теряет необходимое для действия социальное пространство [10, с, 344].

В противоположность этатизму и державности анархизм предстает как форма достижения непосредственной справедливости в обществе, где государство рассматривается как постоянный источник несправедливости. Парадокс? Да, это парадоксальность проблемы, поставленной еще Н. Бердяевым. Поэтому крайне важно понять, на какой базе они возникают, что их рождает и питает, делая их в определенном смысле родственными, как бы двумя сторонами одной медали. У них общие психологические основания. Мы уже видели, что государство смотрело на человека в России сугубо государственным взглядом, прежде всего, как на источник пополнения казны, формирования армии и поддержания имперского здания. Народ же веками чувствовал себя в глухой конфронтации с государством, даже восставал, но в массе своей был связан с государством огромным количеством психологических нитей, которые, однако, никогда не носили характер отношений гражданства и законности. И крестьянская община, и каждый крестьянин считали себя вправе решать, что государство может требовать, а что нет. Конкретные государственные учреждения и представители власти, чиновничество не были авторитетом для них. *Связь с государством была внутренней, личной, психологической и прямой, не признающей посредничества институтов власти. В сознании народа присутствовало абстрактное, но отчетливое представление некоего должного государства как своего, личного для каждого индивида.*

Чтобы понять характер и суть этой связи, представим картину взаимосвязи русской общины и государства. Община - основной тип русской социальности - коллективной, хозяйственной, политической, правовой, заложила в глубоком сознании народа множество психологических установок и свойств, живущих и сегодня. Пока особо выделим свойство, крайне важное для нас - ее автономность самоуправляющегося "мира", который древнее государства и поэтому авторитетнее. "Мир" еще в начале XX века не потерял авторитета, обладая определенными атрибутами государственности: это самоуправление по установленному порядку, суд по "обычному праву", карательные функции, защита норм общественной морали и сохранение быта, административные и культурно-просветительные функции. И в сознании народа сложилось представление о государстве как о системе множества "миров", о России как общей общине. В более широком объеме в образе "мира" предстал русский народ, вся Русская Земля. Так происходит постоянная актуализация государственного сознания русских. Определенные свободы в общине, частые переходы крестьян из одной общины в другую говорят о том, что они ценили больше всего не определенную "родную общину", не жесткую привязанность к ней, а общинный "мирской" дух вообще, государственный дух вообще. *Народный анархизм и есть порождение мирского, государст-*

венного духа народного этатизма. Ибо этатизм народный и этатизм официальный противостоят друг другу. Но они и парадоксально взаимосвязаны, их объединяет образ авторитарного правителя, через него проходит взаимное скрещивание официального этатизма и народного сознания.

Именно в образе верховного правителя с неограниченными правами сплетаются психологические нити, связывающие народ и государство. В народном сознании укоренился образ такого правителя (царя, генерального секретаря, президента) как народного защитника в процессе многовекового исторического противостояния народа государству. Он, правитель, был окружен ореолом народности, он был "своим" (вспомним "царистские" лозунги крестьянских восстаний), и его обычно окружали "чужие" - враги и угнетатели народа. Государственная администрация, чиновники ("олигархи", Чубайсы, Зурабовы сегодня) просто мешали царю быть рядом с народом, жить его интересами, саботировали его решения и т.д. Недовольство государственной администрацией, чиновничеством, следовательно, царем, который позволяет им творить бесчинства и обижать народ, приводило к народному анархизму или в форме восстаний за "вольную жизнь" и за "хорошего царя" или в форме бегства крестьян от государства на новые земли. Крестьяне, таким образом, уходя от государства в анархическом порыве, придавали динамизм и силу государственной экспансии, укрепляя и расширяя границы государства. В их сознании Россия - это русский народ, который не знает границ; Россия там, где поселяются русские, поэтому колонизируемые земли воспринимаются как территория страны и включаются в ее сакральные границы.

Своеобразие парадокса крайностей - этатизма и анархизма в русском национальном характере заключается в том, что они не просто составляют единство, имеют единую основу, но и стимулируют, питают друг друга. В них нет оппозиционности и противостояния, даже при своем крайнем анархизме и антигосударственности русские оставались и остаются этатистами, сторонниками "вертикали власти" и державности. И длительное существование и совместная жизнь народов России в одном государстве, их социокультурное и политическое взаимодействие со временем привели к восприятию данного психологического феномена всеми россиянами как и других парадоксальных свойств менталитета и характера русских. В этом проявляется общность исторической судьбы, реальность той общероссийской цивилизации, в которой возможно национально-этническое, культурное и духовное, в том числе конфессиональное многообразие людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. М., 2001.
2. Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема в познавательной и преобразующей деятельности человека // Социол. исслед. 2005. № 6.
3. Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема как особый случай парадоксальности общественного сознания // Вопросы философии. 2002. № 6; *его же*: Фантомы общественного сознания и поведения // Социол. исслед. 2004. № 12.
4. Ядов В.А. Некоторые социологические основания для предвидения будущего Российского общества // Россия реформирующаяся. М., 2002.
5. Мнацаканян М.О. Нации и национализм. Социология и психология национальной жизни. М., 2004.
6. Бердяев Н.А. Душа России. М., 1990.
7. Лосский Н. Характер русского народа. Кн. 2-я. М., 1990.
8. Шкаратан О. И. Этатизм и российская социетальная система // Общественные науки и современность. 2004. № 4.
9. Тихонова Н.Е. Россияне: Нормативная модель взаимоотношений общества, личности, государства // Общественные науки и современность, 2005, № 6.
10. Мнацаканян М.О. Культуры. Этнос. Нации. Размышления об истоках и природе национальной общности. М., 2005.